

**РЕЦ. НА КН.: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРАВОГО НАРОДНИЧЕСТВА :
СБ. СТАТЕЙ / РЕДКОЛ.: Г. Н. МОКШИН (ОТВ. РЕД.) И ДР. – ВОРОНЕЖ :
ИСТОКИ, 2014. – 296 с.****Ю. А. Зеленин***Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Поступила в редакцию 17 апреля 2015 г.

Данный сборник, посвященный историографии и истории «правого» народничества, подводит определенный итог постсоветского этапа развития отечественного народниковедения в целом. Прежде всего следует отметить, что это третий по счету сборник, сугубо посвященный народнической проблематике и изданный, что особенно важно, в Воронеже, а не в Москве или Санкт-Петербурге¹. Причем из шестнадцати авторов – несомненно, серьезных исследователей народничества и неонародничества – только пять являются жителями двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Можно вполне обоснованно предположить, что плюрализм в изучении народничества в широком смысле носит теперь не только идеологический характер – «плюрализм мнений» (нет монополии какого-то одного направления), но и географический – «плюрализм мест изучения» (появляются новые и активно развиваются старые «периферийные» центры изучения народничества, такие как Воронеж, Орел, Курск, Тамбов, Петрозаводск, Ставрополь, Самара, Челябинск, Саратов, Барнаул, Томск, Краснодар, Смоленск и др.). Об этом же, хотя бы косвенно и применительно к изучению «правого» народничества, свидетельствует анализ летописи авторефератов диссертаций с 1941 по 2013 г., являющийся весьма ценным приложением к научному сборнику. Так, за 50 лет, с 1941 по 1991 г., в 18 городах СССР было защищено 119 диссертационных работ по интересующей нас проблематике. Причем 77 % защит проходили в Москве (59 защит) и Ленинграде (33 защиты). На остальные 16 городов, включая таких лидеров по числу защит, как Киев (4 защиты), Воронеж (3 защиты) и Саратов (3 защиты), приходилось всего 22 %. За 21 год постсоветского периода (с 1992 по 2013 г.) защиты прошли уже в 22 городах, причем

в 14 российских городах впервые. На Москву (28 защит) и Санкт-Петербург (3 защиты) уже приходится только 46 % всех защит.

Понятно, что защищались, несомненно, в Москве и Ленинграде, в том числе советские исследователи из других городов. Однако наличие диссертационного совета по месту жительства или недалеке от него, несомненно, облегчает возможность защиты диссертации, что в сочетании с отсутствием идеологического диктата создало определенные благоприятные условия для открытия научных школ в других городах.

Возможно, достаточно низкий интерес к народничеству в Москве и Санкт-Петербурге свидетельствует, к сожалению, с одной стороны, о меньшей актуальности и востребованности данной идеологии в современной России по сравнению с либерализмом и консерватизмом. Однако это, с другой стороны, является хорошим признаком для развития народниковедения. Находясь на обочине «идеологических войн», авторы, остающиеся верными своей теме, могут спокойно и объективно изучать народничество.

В предисловии одним из самых авторитетных современных исследователей «правого» народничества и ответственным редактором данного научного сборника Г. Н. Мокшиным проводится анализ размещенной в конце сборника летописи авторефератов диссертаций с 1941 по 2013 г., посвященных в той или иной степени «правому» народничеству. Он акцентирует внимание прежде всего на динамике тематики и количества диссертаций, защищенных по той или иной специальности. Г. Н. Мокшин отмечает, что в советский период «тон в изучении правого народничества задавали филологи (56 работ)», а главным предметом изучения были преимущественно видные представители «литературного народничества» – писатели Г. И. Успенский, Н. Е. Каронин-Петропавловский, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский и литературные критики Н. К. Михайловский, М. А. Протопопов, а также народнические периодические из-

¹ См.: Воронеж народниковедческий : сб. статей / Воронеж. гос. ун-т, ист. фак. ; [под ред. Г. Н. Мокшина]. Воронеж : Истоки, 2012. 195 с. ; Народники в истории России : межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 1 / редкол.: Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др. Воронеж : Истоки, 2013. 300 с.

дания. Уделом историков, философов и экономистов в основном была тема борьбы марксистов с «либеральным» народничеством. В постсоветский период инициативу в свои руки берут уже историки (35 работ). Вслед за ними по численности исследований идут философы, филологи, экономисты, социологи и юристы. Автор предисловия акцентирует внимание на том, что, несмотря на такое же доминирование, как в СССР, исследований отдельных персоналий, важной особенностью новейшей историографии «правого» народничества является актуализация «важных для понимания идейной эволюции проблем (политической и экономической модернизации страны, демократической интеллигенции, как субъекта общественных преобразований, крестьянской общины и т.д.)» (с. 7).

Сборник состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен историографии «правого» народничества. В статье «Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии» Г. Н. Мокшин подробно останавливается на одной из важнейших проблем современного народниковедения – проблеме наименования «неревлюционного крыла русского народничества». На наш взгляд, это проблема не праздная, как может показаться со стороны, а напрямую затрагивает проблему сущности этого народнического идейного направления и широкого общественного движения. Г. Н. Мокшин выделяет три основные авторские концепции истории данного феномена – Б. П. Балуева, В. В. Зверева и Г. Н. Мокшина. И все эти три автора используют разные наименования для этого исторического явления (соответственно «либеральное народничество», «реформаторское народничество» и «легальное народничество»). Соглашусь с мнениями В. В. Зверева и Г. Н. Мокшина, что термин «либеральное народничество» является самым неудачным в данном ряду по нескольким причинам. Во-первых, термин «либеральный» шире по значению, чем не совсем правомерно противопоставляемый ему термин «революционный», так как термин «либеральный» означает принадлежность к либеральной идеологии, только одним из аспектов которой является по распространенному мнению реформаторство. Более адекватными терминами-противопоставлениями понятию «революционный» являются термины «реформаторский» и «эволюционный».

На наш взгляд, применительно к неревлюционному народничеству как прежде всего социалистической, по своей сути, идеологии, стремящейся к коренному преобразованию всего общества, а не к корректировке его отдельных недостатков, более подходит термин «эволюционное», а не «реформаторское». Можно полностью согласиться с Г. Н. Мок-

шиным, считающим, что термин «эволюционное народничество» является новым и «режет ухо» (с. 20) отечественным народниковедам, хотя уже довольно давно используется зарубежными исследователями [1; 2, с. 465, 467, 469, 474, 529, 533]. Термин «правое народничество» не является адекватным по тем же причинам, что и «либеральное народничество», так как термин «правое» долго употреблялся и до сих пор употребляется как синоним термину «консервативное», а с 1990-х гг. в России стал употребляться так же как синоним «либеральному», «либерализму» (партии «Союз правых сил», «Правое дело» и др.). Однако, на наш взгляд, более приемлемой альтернативой терминам «либеральное народничество», «реформаторское народничество», «легальное народничество», «эволюционное народничество» и др. является не «правое народничество», а «мирное народничество». Мы считаем, что это наиболее нейтральный и точный термин для наименования этого феномена. В качестве основного термина для характеристики данного течения народничества его активно использует, к примеру, калининградский исследователь В. К. Коржавин [3]. Как дополнительный используют его и авторы данного сборника, например, Г. Н. Мокшин (с. 10) и А. И. Пеньков (с. 186).

Также следует отметить, что авторы статей данного сборника активно применяют (преимущественно один или сразу несколько) в той или иной форме все вышеупомянутые термины (либеральное, легальное, реформистское, мирное, эволюционное народничество), а Е. В. Чернышева даже использует такой редкий термин, как «практическое народничество» (с. 72).

В статье В. В. Блохина «Новейшая историография Н. К. Михайловского: проблемы и тенденции» обстоятельно рассматривается основная проблематика современного михайловсковедения: характер и значение социальной философии Н. К. Михайловского, оценка его литературно-публицистической деятельности, идеологическая идентичность мыслителя и его ниша в рамках умеренного крыла народничества и др. Автор выделяет также две основные «концептуальные модели» изучения наследия Н. К. Михайловского: традиционную, «опирающуюся на марксистский анализ», и современную, «основанную на научно-объективистском подходе» (с. 28). Правда, не вполне понятен критерий такого деления, в отличие от устоявшегося деления по идеологическому признаку на консервативное, либеральное, марксистское и народническое направления.

В. М. Головки и Э. В. Кемпинский в своей статье «Абрамов на малой родине – Ставрополье: общественно-литературная деятельность писателя-мыслителя как объект новой локальной истории» дают оценку

вкладу ставропольских исследователей в изучение творческого наследия своего известного земляка, идеолога «малых дел» Я. В. Абрамова; подчеркивается актуальность его наследия «в условиях современных исканий путей инновационного развития страны» как альтернатива пути «рыночной экономики» и «частнособственнической морали» (с. 40, 46).

В статье доктора исторических наук А. В. Сыпченко подводятся итоги современного этапа историографии Трудовой народно-социалистической партии и намечаются дальнейшие перспективы изучения данной партии.

Е. В. Чернышева в своей статье «Народническая историография земской интеллигенции» обстоятельно рассматривает малоисследованную проблему отношения идеологов народничества (А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, А. В. Долгушина, Я. В. Абрамова, С. А. Приклонского, Л. Е. Оболенского, В. П. Воронцова, И. И. Каблицы, Н. Н. Златовратского, Н. К. Михайловского и др.) и неонародничества (А. В. Пешехонова, В. Е. Трутовского, М. Д. Загряцкова, И. А. Вернера и др.) к земству и земской интеллигенции. Однако не вполне понятны выводы автора, что «ведущими установками, которыми руководствовались представители народнического течения в историографии истории земства и земских служащих, выступали следующие: отрицательное отношение к власти и ко всем социальным инициативам, исходящим с ее стороны; убежденность в «отсталости» и «темноте» крестьянской массы, которая подлежит усовершенствованию усилиями общества («интеллигенции»); высокая оценка культурной и общественно-политической деятельности земских служащих» (с. 68). На наш взгляд, подобные умозаключения слишком категоричны, особенно это касается второго вывода. Его опровергает сам автор статьи, отметив в том числе, что Л. Е. Оболенский «призывал интеллигенцию забыть свои планы опекуна над народом» (с. 73). Данным выводам противоречит и вполне правомерный тезис самой Е. В. Чернышевой, что «народничество как идеология русской интеллигенции никогда не было однородным» (с. 69).

Во втором разделе сборника рассматриваются отдельные аспекты истории «правого» народничества. Статья С. Н. Касторнова «Народники-реформисты о проблемах развития местного самоуправления» является хорошим дополнением к статье Е. В. Чернышевой. Автор подробно анализирует точки зрения представителей различных идейных течений (крайне правого: И. И. Каблицы; правого: Я. В. Абрамов, С. Н. Кривенко, Е. Д. Максимов; левого: Н. А. Карышев, С. Н. Южаков, М. А. Плотников, Н. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов) внутри «реформаторского» народничества на пробле-

мы развития и роли органов местного самоуправления в пореформенной России.

В статье доктора исторических наук В. В. Зверева «Гипотеза или единственно верная научная теория? (марксизм в оценках умеренного крыла русского народничества в 90-е гг. XIX в.)» на примере взглядов В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона анализируется неоднозначное отношение представителей «правого» народничества к теории марксизма. Он делает следующий вывод: «Разность подходов свидетельствовала об уже устойчивой традиции в интерпретации марксизма. Если часть русской интеллигенции в конце XIX в. стремилась взять на вооружение некоторые положения этой теории с целью их использования для прогнозирования будущего России, то другая акцентировала внимание на критическом анализе ее элементов, не исключая, впрочем, вероятности дополнения народничества новыми идеями» (с. 118).

Проблема взаимоотношения народничества и марксизма рассматривается и в статье Н. Г. Павловой «Роль “народнического наследия” в марксистской концепции интеллигенции». Автор, отстаивая тезисы о духовном родстве русского народничества и русского марксизма, в том числе общего для них «антиинтеллектуализма, нигилистического отношения к умственному труду, духовной культуре, к интеллигенции как ее активному субъекту и носителю» (с. 121), приходит к спорному выводу о том, что, «сформировавшись под влиянием легально-народнических идей, в условиях острой полемики и полемических передержек, марксистская концепция интеллигенции обрела свое “лицо” и определила политику победившей партии в отношении интеллигенции после Октября 1917 г.» (с. 138). Стоит отметить, что для обоснования своей точки зрения Н. Г. Павлова опирается, прежде всего, на известного своим резко критическим отношением к интеллигенции И. И. Каблицы-Юзова.

Также большой интерес читателей может вызвать статья М. Е. Разинькова, посвященная сравнительному анализу программных установок Трудовой народно-социалистической партии и Российской коммунистической партии (большевиков). Оригинальность данного исследования заключается прежде всего в попытке автора, признающего диссонанс базовых ценностей у большевиков и энесов (с. 142), найти все же сходные положения у столь разных партий, которых М. Е. Разиньков находит довольно много: требование всестороннего и гармоничного развития личности, федерализм, развитие местного самоуправления, гуманизация судебной системы, национализация земли и прочих средств производства, введение прогрессивного налогообложения, отделение церкви от государства и школы от церкви, бесплатное образо-

вание и др. Однако вывод М. Е. Разинькова о «принципиальной возможности сотрудничества этих двух партий по широкому спектру вопросов» весьма спорен, что подтверждают результаты проведенного самим автором контент-анализа их политических программ: «Употребление терминов, связанных с агрессией, односторонним доминированием у большевиков выше в 10 раз (!), чем у энесов» (с. 148). У большевиков на политическом поприще не могло быть партнеров, в лучшем случае можно было стать их попутчиками, судьба которых, достаточно вспомнить левых эсеров, была весьма печальна.

В статье курской исследовательницы Г. А. Салтык «Народные социалисты и трудовики Центрального Черноземья в 1906–1917 гг.» на конкретно-историческом материале отчасти дается ответ на вопрос, поставленный предыдущим автором: «Почему же столь “конструктивная” партия, обладавшая набором привлекательных идей, оказалась политическим карликом?» (с. 151). Умеренные социально-политические и экономические требования энесов привлекали только малочисленную демократическую интеллигенцию города и деревни и «среди трудящихся Центрального Черноземья большим авторитетом не пользовались» (с. 172). Также весьма интересно приводимое Г. А. Салтык свидетельство курского учителя А. А. Фортунатова о разнице между эсерами и энесами: «С социалистами-революционерами можно не соглашаться, но их всегда слушаешь с интересом. На их собраниях всегда приподнятая атмосфера; у энесов – часто и умно, и благоразумно, но – нет-нет и вспомнишь “Живой труп” Л. Толстого. Помните изюминку, вот ее-то и нет у народных социалистов» (с. 164).

В третьем разделе сборника, прежде всего, рассматриваются различные аспекты взглядов шести видных идеологов «правого» народничества. В статье Д. Д. Жвания анализируются достоинства и недостатки программы самобытной модернизации России И. И. Каблицы.

А. И. Пеньков в своем исследовании «В. П. Воронцов и возрождение народнического аполитизма в начале 1880-х гг.» рассматривает концепцию преобразования общества видного народника-культурника, основанную на приоритете экономических задач над политическими.

Доктор филологических наук В. М. Головкин в статье «Социально-философские идеи эволюционного развития в теоретическом наследии Я. В. Абрамова» обосновывает довольно оригинальную научную гипотезу о принадлежности Я. В. Абрамова к сторонникам программы «постепенности снизу», «демократического просветительства» (И. С. Тургенев, Л. А. Полонский, К. Д. Кавелин) как особого общественного течения. Одним из вопросов, нераскрытых

автором статьи, является соотношение «демократического просветительства» с идеологией либерализма, с одной стороны, и «реформаторского» народничества, с другой стороны. Традиционно И. С. Тургенева, К. Д. Кавелина и Л. А. Полонского считают представителями либерализма. Если «демократическое просветительство» – одно из идейных течений либерализма, то напрашивается сам собой вывод, что Я. В. Абрамов был не народником, к которым он, по выражению В. М. Головкина, «казалось бы, примыкал» (с. 200), а либералом.

В статье А. М. Пашкова анализируются труды о северном крестьянстве малоисследованного представителя мирного народничества С. А. Приклонского. В том числе в исследовании отмечается интересный факт, что данный народник был сторонником передачи сельских школ Олонецкой губернии в ведение государства. Автор объясняет это отрицательной оценкой С. А. Приклонским деятельности Олонецкого губернского земства и «приобретенным за долгие годы чиновничьей службы пониманием решающей роли государственного регулирования в решении глобальных проблем страны» (с. 231).

Большой интерес вызывает также статья Н. В. Зверева, раскрывающая понятия «народ», «нация», «раса» во взглядах своеобразного русского мыслителя и общественного деятеля М. О. Меньшикова, эволюционировавшего от мирного народника до консерватора и националиста. Н. В. Зверев аргументированно доказывает, что, по крайней мере, в период с 1885 по 1900 г. М. О. Меньшиков не был расистом и даже осуждал расизм, придерживаясь «принципа равноправности всех рас и религий» (с. 236). Более того, термин «раса» он использует как синоним понятий «народ» и «нация». Исследователь характеризует М. О. Меньшикова за свойственную ему биологизацию общественных явлений не как расиста, а как «латентного социал-дарвиниста», да вдобавок и не вполне последовательного (с. 239–240).

В последней статье сборника «А. В. Пешехонов – народник “последнего призыва”» О. Л. Протасова дает яркую характеристику лидера Трудовой народно-социалистической партии, сумевшего «совместить моральные принципы в политике и вне ее в течение всей своей жизни, пришедшейся на эпоху великих потрясений в России» (с. 252). Исследовательница идентифицирует А. В. Пешехонова как сторонника «эволюционного народничества», которое она своеобразно трактует как направление, сочетающее в себе элементы социализма и либерализма (с. 252).

В заключение следует сказать, что это первый, насколько нам известно, в отечественной науке сборник, полностью посвященный истории и историо-

графии умеренного крыла народничества, что является определенной вехой в отечественном народниковедении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Billington J. H.* The icon and the axe : an interpretative history of Russian culture. New York, 1966.

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Зеленин Ю. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правотворчества

E-mail: uri-zelenin@yandex.ru

Тел.: 8 (3852) 202-548

2. *Биллингтон Д. Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры / Д. Х. Биллингтон. – М., 2001.

3. *Коржавин В. К.* Народничество 70-х годов : учеб. пособие / В. К. Коржавин. – Калининград, 2007.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Zelenin Yu. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the State and Legal Disciplines and Lawmaking Department

E-mail: uri-zelenin@yandex.ru

Tel.: 8 (3852) 202-548